

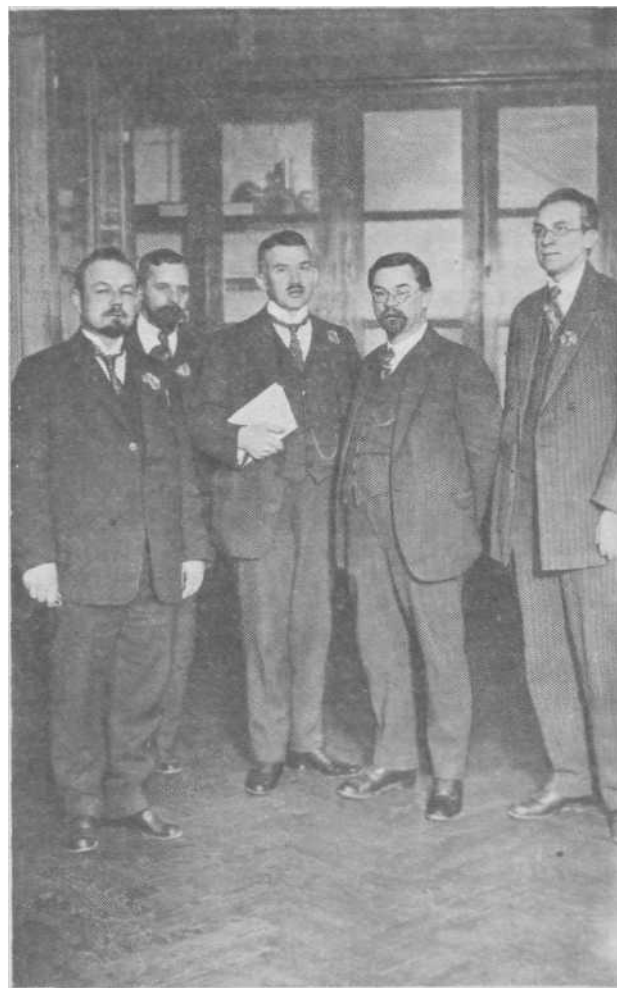
НАСЛЕДИЕ: ДОКУМЕНТЫ, ПУБЛИКАЦИИ

НАПИСАНО В ПОДВАЛАХ ОГПУ

Вниманию читателей предлагаются биографические материалы известного российского физика академика Петра Петровича Лазарева (1878 -1942). Они были написаны в тюрьме весной 1931 г. и хранятся в Центральном архиве Федеральной службы контрразведки Российской Федерации. Лазарев был основоположником отечественной биофизики, создателем ионной теории возбуждения, исследователем проблем молекулярной физики. С 1917 г. - действительный член Академии наук. С 1918 г. руководил научными исследованиями Курской магнитной аномалии. Они начались еще до революции работами профессора Московского университета Э.Е. Лейста, который составил первую геомагнитную карту. Профессор скончался за границей, карта аномалии попала в руки немецких предпринимателей, которые через наркома торговли и промышленности Л.Б. Красина предложили в 1918 г. продать ее России за очень крупную сумму. П.П. Лазарев, с которым консультировался Л.Б. Красин, возражал против такого приобретения и настаивал на новой разведке аномалии другими техническими средствами и с меньшими материальными затратами. Ленин поддержал эту идею, и в 1919 г. работы были возобновлены. "В течение года, - вспоминал в 1941 г. Лазарев, - при содействии Главного гидрографического управления удалось при крайне трудных условиях гражданской войны в районе аномалии снова ее разыскать, и после передачи всех работ, ранее выполнявшихся при Академии наук, в ВСНХ на мою долю выпало быть заместителем председателя Комиссии по исследованию Курской магнитной аномалии, с заведованием финансовой и административной частью комиссии, и начальником магнитного, гравитационного и геодезического отдела. Когда работы комиссии в начале 1923 г. дали совершенно определенные данные о нахождении руды, президиум комиссии - профессор И.М. Губкин (впоследствии академик), академик П.П. Лазарев, профессор А.Д. Архангельский (впоследствии академик) и инженер А.Я. Гиммельфарб были избраны почетными членами Московского и Петроградского советов; комиссия получила от правительства (коллективно) орден Красного Знамени" [1, с. 16 - 17]. Более того, осенью 1923 г. П.П. Лазарев был командирован ВСНХ за границу для пропаганды научных результатов, полученных в ходе исследования аномалии.

5 марта 1931 г. плодотворная научная деятельность академика была прервана арестом. В конце 20-х - начале 30-х годов жертвами репрессий стали тысячи талантливых ученых, а также руководители и служащие государственных учреждений. Сталин решил сделать из них козлов отпущения за неудачи и провалы своей экономической политики. Он называл этих людей "вредителями" и "интервенционалистами".

В 1928, 1930 и 1931 гг. генсек сфабриковал с помощью ОГПУ в Москве три показательных процесса - "Шахтинское дело", "Промпартия", "Союзное бюро ЦК РСДРП (меньшевикова)".

Академик П.П. Лазарев в группе делегатов 5-го Всероссийского съезда физиков (1926) - второй справа.

В письме американскому биологу российского происхождения М.О. Шаповалову (оно было отправлено минуя цензуру) академик Н.И. Вавилов писал в 1931 г.: "Эта (прошлая ныне) весна была *не очень легка для специалистов* в СССР. Волна недоверия в связи с процессами Рамзина, Суханова, Осадчего и др. пошла дальше и выразилась недоверием вообще к интеллигенции. Началась суровая и, как правило, несправедливая критика под углом якобы диалектического материализма. Устранено от заведования много специалистов. Часть была даже под арестом в связи с обвинениями в контрреволюции. Это не подтвердилось во многих случаях, *но немало людей пострадало зря*" [2, с. 100].

Академику Лазареву было предъявлено вначале стандартное обвинение во вредительстве по ст. 58 п. 7 Уголовного кодекса РСФСР (подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения и кооперации "в контрреволюционных целях"). При этом прежде всего имелась в виду его работа по исследованию Курской магнитной аномалии.

Неизвестно, привел ли к аресту чей-то донос или же он был предпринят в соответствии с общей директивой партийного руководства. В начале 30-х годов сотрудники ОГПУ уже всю использовали методы грубого психологического давления и шантажа, чтобы получить у арестованных нужные показания. Вероятно, такие методы нажима были применены во время следствия и к Лазареву. Через полтора месяца после ареста 17 апреля 1931 г. от него было получено "заявление" в Коллегию ОГПУ с раскаянием в совершенных преступлениях и с признанием вины в том, что он "информировал иностранцев по ряду вопросов, связанных с наукой" [4, л. 50].

После этого сфабрикованного заявления следователи стали обвинять Лазарева не по п. 7 ст. 58 УК, а по п. 6 - шпионаж. Это трактовалось тогда следственными органами ОГПУ весьма широко. А.И. Солженицын отмечал: "Если бы подсчитать всех осужденных по нему, то можно было бы заключить, что ни земледелием, ни промышленностью, ни чем-либо другим не поддерживал жизнь наш народ в сталинское время, а только иностранным шпионажем и жил на деньги разведок" [3, с. 71].

В обвинительном заключении, с которым академик ознакомился 23 августа 1931 г., фигурирует не вредительство, а "шпионаж" [4, л. 1]. Заседание Особого совещания при Коллегии ОГПУ 3 сентября 1931 г. приняло решение выслать Лазарева в Свердловск на три года, считая началом этого срока день ареста - 5 марта 1931 г. Однако повторное заседание Особого совещания 13 февраля 1932 г. отменило это постановление, разре-

шив ему свободное проживание в любом месте СССР [4].

Есть основание предполагать, что ученому помогли его коллеги, действовавшие через В.М. Молотова. Академик В.И. Вернадский, который знал Лазарева с 1911 г. и встретился с ним на вокзале через десять дней после отмены приговора 23 февраля 1932 г., записал в своем дневнике: "На вокзале, сидя на извозчиках, разъехался с Лазаревым. Несколько слов. Очень я счастлив, что его вернули: не академические власти хлопотали, а Мензбир¹ и товарищи и ученики (...) Шло через Молотова" [5].

Еще одна, более пространная дневниковая запись В.И. Вернадского датирована 1 марта 1932 г. В ней читаем: "Лазарев рассказывал о своем несчастье. Говорит, что если бы не смерть жены² - он бы не желал [уйти из жизни]. А сейчас мысль о самоубийстве, [но] хочется кончить начатые работы. Разговор о самоубийстве. Я ему указывал, что признаю право кончить жизнь - но для меня и, очевидно, для него стихийно происходящее научное искание, оно шире и глубже того, что в данный момент сознаем. И, очевидно, он не сможет никогда закончить [самоубийством].

Он не говорил конкретно о допросах: заставили описать всю жизнь в связи с его заграничными сношениями. Herbert³ ему писал "Cher Maitre et Ami"⁴, захвачены письма ряда крупнейших ученых. Л[азарев] в этом отношении был тщеславен. Его тешили эти сношения всегда. Большой разговор о его работах. Любопытна роль ГПУ - правительственные в Екатеринбург[урге] диаматы, на него нападавшие, все в ГПУ, и стоило цыкнуть начальнику ГПУ, и они сейчас же замолчали. Лазарев в одной из лекций указал на ошибку Энгельса о ?, и это вызвало бурю доносов. Потом он читал о том, что для "Диалектики природы" Энгельса он считает, что мысли там есть очень интересные. На меня этого впечатления не производит. В Екат[еринбурге] он работал и сейчас сохранил связи⁵.

(...) Интересен рассказ о его лекции на прощание в ГПУ - "Начало и конец Вселенной". В прениях были каверзные вопросы: на закрытом заседании Лазарев увидел и всех диаматов (невежественных в общем) и некоторых профессоров Горно-Разведочного Учил[иша]. С ними о Ra - об излучениях.

Чаплыгин⁶ рассказывал, что Бах⁷ подписал посланную записку о Лазареве и что он посоветовал подать ее не Куйбышеву, а Молотову" [6].

Последняя дневниковая запись об аресте Лазарева сделана 25 апреля 1942 г., то есть на другой день после его кончины (о ней В.И. Вернадский, находившийся в эвакуации, узнал из "Казахстанской правды"). Кратко вспомнив историю их

знакомства, Вернадский упомянул события десятилетней давности: "Когда с ним произошло несчастье - он был арестован, по-видимому, благодаря какой-то неосторожности в его сношениях с французским посольством - я никогда его не спрашивал, а П[етр] П[етрович] очень любил иметь культурные ("светские") знакомства. Очевидно, когда - к счастью - убедились в его невиновности, к Мензбиру обратились по телефону, чтобы он подал записку (он был президентом Общества естествоиспытателей) об освобождении Лазарева. Не знаю, кто еще подписал (я жил тогда в Петербурге). И он был освобожден" [7].

В деле академика Лазарева находятся не только следственные материалы, но и документы учебного, представляющие большой научно-исторический интерес. К их числу относится публикуемая рукопись "Мое политическое кредо". Она была датирована 5 мая 1931 г., а в последующие дни дополнена двумя записями.

Подобные документы встречались в следственных делах других ученых [8, 9]. Вероятно, сотрудники ОГПУ предложили академику Лазареву изложить свои взгляды по интересующим их вопросам. Петр Петрович не мог, конечно, в пол-

ной мере быть искренним в ответах. Но основные высказывания, прежде всего по научным проблемам, вряд ли пришлось по вкусу следователям. Смелость и принципиальность обнаруживаются и в негативной оценке академиком "Диалектики природы" Энгельса, в высказываниях против использования диалектического материализма в физике и химии, против долгосрочного планирования научной работы, за свободу творчества. Явно противоречили официальным взглядам его отчужденное отношение к общественной работе, мысли об интернациональном характере науки, о значительном отставании Советского Союза в области математики и точных наук от Западной Европы и США, а также протест против борьбы с религией. Внимание читателей, несомненно, привлекут и неизвестные биографические сведения об ученом, о его работе и мировоззрении.

После освобождения академик Лазарев руководил Секцией математики и геофизики Института географии АН СССР, заведовал Отделом твердой оболочки Института теоретической геофизики.

*Г. А. САВИНА,
научный сотрудник Архива РАН*

МОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ КРЕДО

П. П. Лазарев

Моим идеалом, как я понимаю, недостижимым в настоящее время, является государство без делений на классы, все граждане которого являются одновременно производительными работниками. Таким образом, государство, опирающееся на союз труда, науки и техники, - вот тот идеал, который впервые выставил Лассаль⁸ и который признавали и позднейшие социалисты. Понятно, что такого государства теперь быть не может и это есть, как всякий идеал, дело недостижимое полностью.

Более конкретных представлений у меня не было и я не старался это сделать, так как все время стоял далеко от политики. Дело в том, что, будучи в Университете на медицинском факультете, я в то же время занимался математикой, так что в один год окончил сразу два факультета. При

массе занятий на том и на другом факультетах, естественно, что на политику времени оставалось немного и мне часто не приходилось целыми днями заглядывать в газеты, зная, что мне расскажут самое существенное близкие*.

Такой же малый интерес к политике я сохранил и до последнего времени, так что, уезжая в 1923 г. за границу⁹, я не ясно себе представлял роль Муссолини и фашистскую организацию в Италии.

Я не принимал активного участия в революциях 1905 и 1917 гг. Когда в феврале произошел

* Несмотря на огромную занятость матем[атическими] и медиц[инскими] науками, я в это время проштудировал тщательно изложение учения Маркса и основательно изучил I т. его "Капитала".

П.П.Лазарев среди делегатов 6-го Всероссийского съезда физиков (1928) - сидит первый слева.

переворот и Временное правительство взяло власть в свои руки, мне стало ясно, что дело на этом не остановится, так как Врем[енное] прав[ительство] не имело никакой опоры, и когда произошел Октябрьский переворот, то первое время я думал, что и эта революция не есть окончательная; впрочем, так же думали и другие профессора, и даже часть членов правительства, как потом я узнал.

Уже в январе будущий замнаркомздрав З.П. Соловьев¹⁰, с которым мы хорошо были знакомы до революции [и который] знал меня как хорошего работника, хотя и не принадлежащего партии и даже не стоящего всецело на ее платформе, предложил взять организацию рентгеновского дела в Республике, объединив рентгенологов Красного Креста, Городского и Земского Союзов. Он не скрывал от окружающих, что смотрит на меня как на техническую силу, считая, что идейная сторона руководства будет принадлежать ему.

Это дело я взял в руки и к сентябрю 1918 г., когда возник НКЗдрав, дело было организовано и вошло в состав НКЗ, причем я был приглашен быть заведующим Рент[геновским] подотделом. В течение пяти лет моего заведования мне уда-

лось подобрать подходящий штат и привлечь врачей к делу. За эту работу к 5-летию существования НКЗ я был награжден с рядом других работников НКЗ, признан Героем Труда.

Политическая сторона вопросов, стоящих перед подотделом, решалась по совещанию с наркомом или замнаркомом.

Одновременно был создан и Институт биол[огический] физики, где и прошла вся моя научная работа до моего ареста¹¹.

По отношению моих взглядов на Советское правительство по мере работы в НКЗ произошли изменения; в начале революции мне казалось, что устранение специалистов из той базы, на которую опирается правительство, есть неправильность. Работа в НКЗ и позднейшие декреты об ученых и специалистах мне показали, что Советское правительство желает идти по пути осуществления моего идеала государства (союз ученых и работников), и это сделало работу в первое организационное время особенно интересной. Материальные затруднения я переносил очень легко и был всецело поглощен работой.

В течение работы у меня, понятно, сложились определенные научные взгляды, и вначале, как

будто, они вполне совпадали с тем, что было официально принято. Так, я был материалистом еще в царское время, и моя первая большая книга по теориям возбуждения как раз это показывает [10]. По мере исканий дальнейших путей у меня произошли следующие ясные разногласия с принятым направлением. Я как физик стоял в своих работах по живой природе на базе физико-химических воззрений, они представлялись мне единственно возможными. Господствующее философское направление в партии эти воззрения подвело под рубрику механистических. В противовес механицизму как доктрине природы выдвинут был диалектический материализм, приложение которого к естествознанию было задумано Энгельсом. Изучив оригинальную работу Энгельса [11], изучив все дальнейшее ее развитие, я пришел к заключению, что основная работа Энгельса может быть интересна только по имени ее автора. Ничего нового эта доктрина не принесла и не принесет, и это мое убеждение я старался подтвердить на ряде примеров. Такие же воззрения на этот вопрос имеет и ряд крупнейших западноевропейских ученых, например, Эйнштейн (Einstein) [12]. Естественно поэтому, что мои работы проникнуты духом физико-химии, диалектическому материализму в них нет места. Это касается не только моих научных трудов, но и курсов, которые я писал. Я полагал, для учащегося самое важное есть знание фактов, их философскую связь он может узнать после, поэтому я не вводил в курсы этих объяснений, основанных на диалектике, которые вводили другие авторы-коммунисты (например, Тимирязев)¹².

Изменение отношения правительства к ученым, чрезвычайно болезненно переносящееся, и постепенное уменьшение деятельности ЦЕКУБУ¹³, которая давала возможности ученым в сносной обстановке вести работу дома, мне кажется шагом, который должен отразиться тяжело как на состоянии науки, так и на технике. Об этом я много раз говорил как с коллегами профессорами-коммунистами, так и с представителями правительства, указывая могущий быть вред от этого.

За Советской властью я признал колоссальную заслугу перед историей помимо первой попытки построить социалистическое государство, еще то необыкновенное умение, с которым она сумела объединить воедино, сплотить в монолитную массу большое количество отдельных областей, которые в первое время после войны стремились отойти от Союза. Следующей огромной заслугой я признаю заключение мира. Я все время был противником войны, и во время войны ни в одной организации, работавшей на оборону, я не участвовал. Я работал только как врач для помощи раненым в качестве заведующего Рентгеновским бюро Зем[ского] Союза. Немаловажной за-

слугой является, по-моему, перенесение столицы в Москву и приближение ее к центру Союза.

По отношению к науке я являюсь сторонником того взгляда, что наука является основой техники, что она является базой, из которой техника черпает свои выводы. В науке, таким образом, должен быть дух свободного творчества, наука должна развиваться без влияний на нее техники. Уже это одно показывает, что составление плана работ в научной области на пять лет в науке невозможно.

Мы видим, в самом деле, что самые крупные, самые важные исследования возникали случайно, вне плана. Случайно Рентген открыл X-лучи. Случайно Кюри нашли радий, также без определенного заранее плана пришел Резерфорд к открытию делимости атома. План может быть только один: план сделать следующий ближайший шаг. За этим шагом последующий еще шаг и т.д. Я не отрицаю возможность плановых работ в науке, но эти работы должны быть поставлены параллельно первым, они должны не мешать первым, и я эти вторые работы называл бы научно-техническими. Дело в том, что если уже известны научные принципы и нужно только их приложить к ряду конкретных исследований, то тогда можно довольно точно планировать всю работу. Сказать же, что в 1896 г. будут открыты X-лучи, и сказать это не за пять лет, а даже за год никогда нельзя. Поэтому, признавая, что для техники очень важны последнего рода плановые работы, я придаю огромное значение внеплановым работам. С этой точки зрения я очень приветствовал создание Комитета по химизации¹⁴. В настоящее время господствующее и руководящее мнение есть то, что вся наука может быть планирована. Это, по моему мнению, ошибка, и я оставляю все же часть для свободного творчества. В этом мое разногласие.

По отношению к высшей школе я был противником очень большого загружения курса массой подробностей. Это особенно верно для ВТУЗов. Я считаю, что при хорошей подготовке, для ВТУЗов вполне достаточно три года. В такое же время возможно подготовить и специалиста, оканчивающего ВТУЗ. Нужно только обратить внимание на подготовку вступающего во ВТУЗ. Вот здесь у меня имеется ряд разногласий с господствующим взглядом. Прежде всего я считаю, что современная подготовка учащихся крайне недостаточна. Они слишком скоро проходят курс средней школы, в слишком позднем возрасте в него вступают. Далее, мне кажется, что загружение курса параллельной производственной практикой и теорией очень утомляет учащихся, и мне кажется, что производственная практика самодовлеющей частью курса желательна в более поздних семестрах.

Академик П.П. Лазарев в своей лаборатории с группой врачей из разных стран (сентябрь 1929 г.).

Здесь у меня также точки зрения не сходятся с точкой зрения господствующей.

Как я смотрел на НЭП. Я видел в нем неизбежный выход из положения, создавшегося после гражданской войны, но уже в самом начале его я был уверен, что социалистическое строительство несовместимо с НЭПом, должно его вытеснить и НЭП должен исчезнуть.

Для меня было неясно, как в социалистическом государстве должны стоять земледелие и крестьянин. По существу, крестьянин прежнего времени есть мелкий буржуа, и я не представлял, как можно, строя социалистическое государство, игнорировать крестьянство. Мне казалось, что, опираясь только на бедняков, нельзя получить достаточно хлеба, нельзя создать интенсивного хозяйства. Создание колхозов и совхозов, в которых крестьяне являлись бы рабочими, мне представлялось возможным решением вопроса. Ближе эти вопросы меня не интересовали, так как стояли весьма далеко от моих занятий.

Огромную заслугу Советского правительства я видел в той доступности для отдельных работников слышать мнение руководителей ведомств. Я лично это могу лучше всего сравнить с прежним строем, где мне приходилось бывать в министерствах. Много раз меня занимал вопрос о желательности сделать связь специалистов и членов правительства более близкой. Это было предме-

том ряда разговоров с Б.И. Збарским¹⁵. Мой отъезд за границу прервал эти разговоры, а по возвращении я узнал, что все дело вылилось в организацию ВАРНИТСО¹⁶, которая меня не удовлетворяла, и потому я в ней не вижу [смысла]. Кроме того, по духу ВАРНИТСО совпадает с ЦЕКУБУ, и, состоя в ЦЕКУБУ, я считал невозможным войти в ВАРНИТСО.

Как я смотрю на общественную работу. Общественной работы я не люблю, я желал бы все свое свободное время отдать только науке, однако, когда это нужно, я принимаю участие в общественных организациях. Так, создание Комиссии по улучшению быта ученых врачей (КУБУВ) при НКЗ заставило меня взяться за председательствование, и с 1920 по 1930 г. я был бессменным председателем КУБУВ. В 1930 г. я от этого дела отошел, будучи страшно занят руководством тремя институтами и курсами ВТУЗов. Я принимал участие и в других общественных организациях (например, Дом ученых и т.д.)¹⁷.

Как я отношусь к популярным лекциям. Популярные лекции я регулярно читаю еще с 1908 г. Особенно я любил и люблю лекции для рабочих, и я их начал в 1908 г.

Нужно сказать, что, несмотря на огромную загруженность в последнее время, я все же читал от трех до десяти лекций в год для рабочих (в

клубах) или же для широкой публики. Эти последние лекции (для публики) я люблю меньше.

У меня имеется разногласие с общим господствующим мнением по следующему вопросу: по вопросу о роли личности в истории. Не решая всего вопроса по существу, так как это далеко лежит от меня, я считаю, что в науке личность играет решающую роль. Резерфорд, Кюри, Гельмгольц, Менделеев не могут быть заменены сотнями работников, не имеющих их гения. Конечно, гений есть продукт общества, но заменить работу гения совокупностью работ общества в науке нельзя.

Вот, в общих чертах, что я думаю о той части жизни, которая мне ближе всего, именно - о науке и научной работе.

5 мая 1931 г.

Академик П. Лазарев

ПРОДОЛЖЕНИЕ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ, ОБЩЕСТВЕННОМУ КРЕДО

Вчера я забыл указать в своем изложении моего политического кредо следующие пункты:

1. *Мое отношение к интервенции.* С самого начала действий интервентов мое отношение было к ним всегда самое отрицательное. Ничего хуже интервенции для страны я себе не могу представить, и в этом отношении я много раз развивал эти идеи в ряде разговоров. Страна, по моему мнению, сама без посторонних влияний должна создать нужный ей образ правления, и участие иностранцев в этом деле есть самая вредная для страны вещь.

2. *Мое отношение к чистке.* При том быстром темпе развития учреждений, какой имеет место у нас в стране, естественно, возможно засорение аппарата неподходящими элементами. Поэтому просмотр как работы учреждения, так и личного состава необходим. И мне кажется, что эта работа, которую проделывает в этом отношении РКИ¹⁸, не только вполне целесообразна, но и действительно дает учреждению часто такое новое направление, которого ему не доставало. Это я могу засвидетельствовать по двум просмотрам Государственного института физики и биофизики и Государственного рентгеновского института, руководимых мною. Конечно, на некоторое время учреждение, в особенности научное, должно или прервать работу, или ее замедлить, так как потребуются многие материалы, для которых приходится отрывать работников учреждений. Но при сравнительно нечастом повторении подобных ревизий, это не отражается в общей работе учреждения. Другое дело, когда многие местные органы сами по себе начинают производить чистку. Так, например, в Государственном рентгеновском институте был вслед за чисткой

РКИ просмотр органами местного Совета. Состав местных бригад, участвующих в чистке, обычно малоквалифицирован, и работа их более долгая, чем работа хорошо подобранного кадра специалистов РКИ, причем, по моим впечатлениям, практические результаты таких просмотров равны нулю или близки к тому. Если в полугодие устраивается два или три просмотра, то учреждение не может работать, и с этой стороны я считаю чистку необходимой и правильной, но она должна быть осуществлена непременно РКИ и [проводиться] не часто (смотря по учреждениям).

3. *Как я смотрю на общественную работу молодежи научных учреждений.* Мне кажется, что приучение к общественной деятельности нужно начинать по возможности рано. Поэтому весьма важно, чтобы молодежь приучалась к ней в самом начале своей деятельности. Но, давая молодежи ряд общественных работ, не нужно ее отрывать от самого главного, для чего она пришла в учреждение, - от научной работы. Научная работа должна быть на первом месте, и нужно, чтобы ей молодежь могла уделять достаточно времени. С моей точки зрения многие научные институты Союза грешат в этом отношении, загружая своих сотрудников непосильной [общественной] работой.

4. *Как пополнять кадры институтов.* Мне кажется, что пополнение кадров институтов должно быть двоякое: или конкурс (что совершенно необходимо для старших должностей), или же выдвижение уже работающей в учреждении молодежи. Для этого желателен весьма широкий приток молодежи, которая могла бы, подучившись, потом взять на себя более сложные функции ассистентов, лаборантов, заведующих отделениями и т.д. При допущении к этим должностям научная деятельность должна быть на первом месте, и, если у человека нет работ, если он не квалифицированный научный работник, его нельзя допускать к ученым должностям и в особенности к руководящей роли в учреждении, даже если у него имеется огромная общественная деятельность в прошлом. При наличии равных в научном отношении кандидатов преимущество, естественно, должно быть отдано коммунисту. Но если имеется хороший ученый беспартийный и плохой ученый коммунист - преимущество должно быть отдано беспартийному.

Вербовка коммунистов в ученые работники стоит в настоящее время весьма широко. К сожалению, как это я могу отметить из личного опыта, коммунистическая молодежь, идущая в настоящее время в науку, слабее беспартийной. И это понятно. Для коммунистов наука занимает одно из самых последних мест в ряду профессий. Наиболее крупные и выдающиеся коммунисты идут на политическую, административную и общественную

работу, и только более слабые выбирают научную деятельность. Это правило. Бывают, конечно, исключения. И среди моих учеников есть ряд выдающихся работников коммунистов: я могу указать на Хмельницкую, на Зак, на Иоффе (не смешивать с акад. Иоффе), на Балдина, имеющих прекрасный стаж и сделавших хорошие работы. Для выдающегося беспартийного молодого человека наука есть почти единственное средство приложения его сил и способностей. Поэтому, мне кажется, наряду с коммунистами было бы правильно дать и беспартийной молодежи более широкий доступ к научной деятельности.

5. *Как я смотрю на изменение политического строя Союза.* Я считаю, что удержать страну в целостности и направить ее к тому светлому будущему строю, который должен, по моему идеалу, представлять совершенное государство, может только ВКП(б). Необходим монолитный политический аппарат с теми задачами, которые ставит ВКП(б), и поэтому я полагаю, что изменение строя и нежелательно, и невозможно.

6. *Как я смотрю на связь с заграницей для науки.* Я считаю, что наука должна быть объединена на всем земном шаре, независимо от страны, в которой работает ученый, независимо от его политических убеждений. К этому дело идет, и интернациональная наука есть дело близкого будущего. В изолированной от всего остального мира стране нет и не может быть различной науки, так как отдельные части науки, отдельные кусочки общей мозаичной картины, называемой наукой, отрабатываются в разных странах, и опыт изоляции страны после войны показывает, что такая изоляция очень губительна.

7. *Как я смотрю на науку в Союзе.* Я считаю, что мы значительно отстали в области математики и точных наук от Западной Европы и Америки. Я полагаю, что нам еще очень много нужно догонять, прежде чем мы зайдем подобающее нам место. Мы бедны крупными силами, у нас не так много лабораторий, особенно в провинции, и мы поэтому больше чем [кто] другой нуждаемся в западной и американской науке.

У нас есть области, однако, где мы стоим высоко; и в своих лекциях, и здесь, и за границей я всегда старался эти области подчеркнуть, показывая, какую роль в мировой науке может сыграть наш Союз и какие новые области и горизонты открывает. Что мы должны занять в будущем выдающееся положение, я не сомневаюсь. Хотелось бы только, чтобы, сознавая наши недостатки, мы прямей и ближе подошли бы к [их] разрешению.

6 мая 1931 г.

Акад. П. Лазарев

ДОПОЛНЕНИЕ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ КРЕДО

Я забыл указать свое отношение к религии. Я не религиозен и в церкви не был со времени своей свадьбы, т.е. около 30 лет. Мне, однако, представляется, что борьба с религией, ведущаяся теперь, является, во-первых, неправильно поставленной, а во-вторых, мне кажется, было бы правильно предоставить каждому верить, как он хочет. Что касается до постановки борьбы с религией и до лекций, читаемых по этому поводу, то мне кажется, что эта борьба и лекции скорее увеличивают, чем уменьшают религиозность. Во время пропаганды против религии часто прибегают к оскорблениям верующих, а, как известно, оскорбление всегда вызывает сочувствие к оскорбленному. Мне кажется, что борьба может быть только одна, и я это многократно говорил: глубокое проникновение естествознания в широкие круги народа. Нужно убедиться на ясных и конкретных примерах, что можно глубже и проще объяснить научно, а не библейски явления природы, а тогда, конечно, и предрассудки, связанные с религией, могут исчезнуть, при этом о религии не нужно, как мне кажется, и говорить. Я несколько раз приводил ответ великого математика-астронома Laplace'a¹⁹ Бонапарту, бывшему тогда консулом, как пример пропаганды. Laplace преподнес Бонапарту свой обширный (7 томов) труд по небесной механике, где исследуется не только теперешнее движение планет и звездных систем и дается предсказание об их будущем движении, но и указывается, как возникли все эти системы, как произошел видимый мир. Это доказывается так строго логично при помощи труднейшего анализа, как строго выводятся и современные движения планет около Солнца. Когда Бонапарт, бывший хорошим математиком, изучив все сочинение, спросил Laplace'a: "Почему же, гражданин Laplace, у Вас в книге нигде нет слова Бог?", Laplace ответил: "Потому, что в этой гипотезе я не нуждался". Антирелигиозная пропаганда и должна приводить к такому заключению, как у Laplace'a.

Центральный архив Федеральной службы контрразведки Российской Федерации. № Р-30067. Л. 76 - 80, 82 - 84, 122.

ЛИТЕРАТУРА

1. Физики о себе. Л.: Наука, 1990.
2. Природа. 1987. № 10.
3. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 1. М.: Советский писатель, НТК "Перспектива", 1990.
4. Центральный архив Федеральной службы контрразведки Российской Федерации. № Р-30067.
5. Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 17. Л. 19.
6. Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 50. Л. 26.
7. Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 53. Л. 18.

8. *Брачев В.С.* Исповедь узника ОГПУ (неизвестная рукопись академика С.Ф. Платонова) // Вестник РАН. 1992. № 9. С. 121 - 125.
9. *Есина А.Б.* "Мне же они совершенно не нужны" (семь писем из личного архива М.Н. Покровского) // Вестник РАН. 1992. № 6. С. 113 - 114.
10. *Лазарев П.П.* Исследования по ионной теории возбуждения. М., 1916.
11. *Энгельс Ф.* Диалектика природы // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 20. С. 339 - 626.
12. *Рокитянский Я.Г.* Политический блеск и научная нищета марксизма // Вестник РАН. 1994. № 4. С. 330.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мензбир М.А. (1855 - 1935) - зоолог, почетный академик (1926), академик (1929).

² Лазарева О.А. (урожденная Баталина) — жена и секретарь П.П. Лазарева. Через несколько месяцев после ареста мужа покончила жизнь самоубийством. В Архиве РАН хранится не подписанное письмо П.П. Лазареву, в котором изложены некоторые подробности, предшествовавшие смерти О.А. Лазаревой. Приведем выдержки из письма: "На второй день после ареста (Лазарева. — Г.С.) мы с Ольгой Александровной поехали в ОГПУ. Нам сказали, что только через три дня можно получить о Вас сведения. На третий день Ольга Александровна и я опять поехали в ОГПУ и у нас приняли деньги. Тогда мы спросили, как можно получить свидание с Вами; нам сказали - можно только подавать заявления через двенадцать дней. Тогда мы поехали к Сперанскому (по-видимому, речь идет о физиологе А.Д. Сперанском. — Г.С.). Он очень удивился и сказал, что будет звонить в ОГПУ и узнает причину, и просил к нему зайти. После раза два к нему заходили, не могли застать дома. Тогда я стал просить Ольгу Александровну, чтобы она поехала к Семашко Н.А. (...) Когда она от него вернулась, она стала немного веселее и спокойнее, и она к нему ездила, кажется, три раза.

Это прошло уже 1,5- месяца. На последнем с ним свидании он ей сказал, что Ваше дело продлится долгое время. Тогда она больше никого не стала просить, и с этого времени она стала очень сильно худеть и нервы ей стали все больше изменять, и она лишилась сна и аппетита (...) И этой жизни ей хватило только на 3,5- месяца, это произошло 13 июня в ночь" (Архив РАН. Ф. 459. Оп. 2. Д. 42).

³ Эрбетт Ж. - французский посол в СССР с конца 1924 г. До этого дипломатический редактор газеты "Тан".

⁴ "Дорогой мэтр и друг" (фр.).

⁵ В Свердловске Лазарев преподавал в Геологоразведочном институте и работал в Институте профзаболеваний.

⁶ Чаплыгин С.А. (1869 - 1942) - один из основоположников аэродинамики, академик с 1929 г.

⁷ Бах А.Н. (1857 - 1946) - биохимик, академик с 1929 г.

⁸ Лассаль Ф. (1825-1864) - немецкий социалист, организатор и руководитель Всеобщего германского рабочего союза.

⁹ С сентября 1923 г. по июль 1924 г. П.П. Лазарев находился в заграничной командировке, во время которой делал доклады о работах в районе КМА и о своей научной деятельности перед аудиторией ученых Рима, Парижа, Лейдена, Гамбурга, Копенгагена, Нью-Йорка, Цинциннати, Вашингтона, Балтимора.

¹⁰ Соловьев З.П. (1876 - 1928) - один из организаторов советского здравоохранения и военно-санитарной службы Красной Армии. Автор проекта организации Наркомздрава РСФСР.

¹¹ Физический институт, директором которого был избран П.П. Лазарев, открылся незадолго до революции. В советское время он вошел в систему учреждений Наркомздрава РСФСР как Институт физики и биофизики.

¹² Тимирязев А.К. (1880 - 1955) - физик, сын К.А. Тимирязева. Работы по кинетической теории материи, философии естествознания.

¹³ ЦЕКУБУ - Центральная комиссия по улучшению быта ученых при СНК РСФСР. Создана в 1920 г. В январе 1920 г. образовалась Петроградская, а в августе 1921 г. Московская комиссия по улучшению быта ученых, активным деятелем которой являлся П.П. Лазарев. В середине 20-х годов стоял вопрос о ликвидации комиссий в связи с переходом функции социальной помощи ученым к Союзу работников просвещения. Но ЦЕКУБУ продолжала существовать, сужая свои функции. В 1931 г. она была переименована в Комиссию содействия ученым (КСУ) и занималась в основном проблемами науки, вопросы быта ученых полностью перешли в ведение профсоюза.

¹⁴ Комитет по химизации народного хозяйства СССР при СНК СССР был создан в ноябре 1928 г. с целью осуществления плана развития химической индустрии и внедрения химических разработок в различные отрасли народного хозяйства. С 1931 г. Комитет перешел в ведение Госплана, а в 1934 г. был упразднен.

¹⁵ Збарский Б.И. (1885 - 1954) - биохимик, академик АМН (1944). Заместитель председателя президиума коллегии НТУ ВСНХ, один из создателей и идеолог ВАРНИТСО.

¹⁶ ВАРНИТСО - Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству. Образована в 1927 г. Современную оценку деятельности ВАРНИТСО см.: *Тугаринов И.А.* ВАРНИТСО и Академия наук (1927 - 1937 гг.) // Вопросы истории естествознания и техники. 1989. № 4. С. 46 - 54.

¹⁷ Дом ученых в Москве открылся в июне 1922 г. В первый состав правления Центрального Дома ученых (как он назывался в 1922 - 1930 гг.) вошли: Н.А. Семашко, М.Н. Покровский, И.И. Гливенко, П.П. Лазарев, А.Е. Ферсман, Н.А. Авиллов, И.С. Коган и др.

¹⁸ Рабоче-крестьянская инспекция.

¹⁹ Лаплас П.С. (1749 - 1827) - французский астроном, математик, физик, иностранный почетный член Петербургской АН.

*Публикация и примечания
Г.А. САВИНОЙ*